

Е. И. Цейтлин

«СЕННОВСКИЙ ОБИТАТЕЛЬ» В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Когда мы говорим о типе петербуржца XIX – начала XX веков, то нам представляется или холодноватый, довольно богатый и высокообразованный дворянин, или чиновник, частица огромной бюрократической столичной машины, страдающий от ее бездушной механической силы и власти, а иногда и вполне в ней растворившийся. Оба эти петербургских типа дали героев классическим произведениям русской литературы XIX века. Мы также можем себе представить обобщенный образ жителя Коломны или Песков, много общих черт будет у жителей Васильевского острова и других частей Петербурга. Но один из самых ярких и самых важных для русской истории петербургских типов сформировался на Сенной площади под влиянием особых черт этого места и его особой роли в жизни Петербурга. Эту публику с Сенной площади в литературе второй половины XIX века обычно называли «сенновскими обитателями».

Представляется, что именно этот тип людей оказался необычайно востребован русскими революционными событиями начала XX века – ведь «сенновские обитатели» стали основной силой русской революции. Они повлияли на весь ход российской истории в силу тех своих черт, что веками вырабатывались благодаря двум важнейшим особенностям этого места: более сильной, чем у других районов Петербурга, ментальной связи с Россией и пограничного характера Сенной площади.

Площадь была границей в прямом смысле этого слова: сначала границей города, затем границей между центром и окраиной; здесь проходила и социальная граница – между Петербургом бедных и богатых; в пространстве Сенной площади возникала необходимость выявления и нравственных границ между добром и злом.

Демографически район этот был по петербургским представлениям, можно сказать, совсем русским. В третьем участке Спасской части, как раз там, где находилась Сенная площадь и прилегающие к ней районы, русское население составляло около 90 % и с годами постоянно увеличивалось.

В районе Сенной площади жили люди, приехавшие в Петербург на заработки. Недаром и в литературе, начиная с середины XIX века, складывается образ Сенной площади как образ России. До этого низовая жизнь Петербурга практически игнорируется русской литературой, так как между петербургским дном и идейной, культурной жизнью петербургского мыслящего общества нет точек соприкосновения. Мелкий торговец, проститутка еще неинтересны русской культуре, потому что играют в российской жизни чрезвычайно маленькую роль. Сообщество людей, возникшее на Сенной площади, еще не достигло своего расцвета, его черты еще не так выражены, хотя уже заданы и прослеживаются с момента возникновения Сенной площади, которая образовалась и развивалась абсолютно стихийно.

Люди приходили и приезжали сюда по самым обыденным, житейским причинам еще с 30-х годов XVIII столетия: Фонтанка была в то время границей города. Крестьяне, везущие в город сельскохозяйственные товары, переезжали реку, останавливались и торговали прямо с возов. Так в Петербурге, который создавался как

город «умышленный», спланированный, куда первые его жители приезжали по приказу, против воли, сложилось место, образовавшееся стихийно, и это с самого начала определило стихийный, даже хаотичный быт людей, связанных с Сенной площадью. Здесь нет ничего устоявшегося, нет стройного, продуманного архитектурного облика центра Петербурга, хотя от самых аристократических районов Сенную площадь отделяют не более 10 – 15 минут ходьбы. Не принадлежит площадь и к городским окраинам, к ремесленному и чиновничьему Петербургу, хотя здесь живут именно ремесленники, мастеровые и мелкие чиновники. Тут нет устоявшегося быта, традиционного уклада, столь характерного для Коломны или, например, Песков. Для всех, даже самых постоянных обитателей Сенной площади, которые провели здесь практически всю жизнь, характерен обманчиво временный и какой-то необязательный характер пребывания в этих местах.

Постоянных обитателей Сенной площади можно разделить на несколько тесно связанных между собой категорий, которые, как и весь этот район, стали быстро развиваться с середины XIX столетия вместе с развитием капитализма в России. Самой временной и самой связанной с Россией группой были сезонные рабочие, крестьяне, приезжавшие в Петербург на лето, когда город строился и ремонтировался. Их привлекал на Сенной площади дешевые ночлег и питание, большое количество земляков. Были здесь и те, кто приехал в столицу с большими надеждами на новую жизнь. Они пребывали в этих местах в ожидании новой жизни и поисках работы, сталкиваясь на Сенной площади с теми, кто приехал раньше их, успел уже лишиться всех надежд и опуститься.

Сенная площадь становится своеобразным отстойником для приезжих, которые часто месяцами безуспешно пытались найти работу. Здесь, на Сенной площади, на углу Садовой улицы, находилась одна из столичных бирж труда. Обреченно стояла толпа вчерашних крестьян, ожидая работодателя. Многим так и не удавалось найти работу, им не на что было вернуться на Родину, они постепенно спивались и оставались на Сенной площади навсегда. Связь с родными местами утратилась, но и петербуржцами эти люди не стали.

Были здесь и те, для кого Сенная стала источником доходов, – это, безусловно, прежде всего торговцы. Вот как описывает Д. В. Григорович типичную сенновскую торговку: «полунищая баба в грязном салопе, покрытом заплатками сверху донизу, продающая на Сенной площади вареный картофель, прикрываемый, для сохранения в нем надлежащей теплоты, – известным способом, то есть без помощи чего-нибудь постороннего, кроме белья, составляющего ее исподнее платье...»¹. Такие торговки сидели обычно в обжорном ряду, отличавшемся страшным звоном, издаваемым некачественной продукцией. Журнал «Воскресный досуг» свидетельствовал: «Вообще же петербургские жители на нее [Сенную площадь. – Е. Ц.] смотрят не одинаково: расчетливые и небогатые хозяева любят жить поближе к Сенной и прилегающие к ней квартиры особенно ценят, потому что тут все подешевле получить можно, люди же чистоплотные и брезгливые всячески сторонятся от Сенной и близкие к ней квартиры обегают: душно, говорят, воздух не хорош»².

Кормились также от Сенной площади держатели притонов, проститутки, вори-карманники, перекупщики краденого, профессиональные нищие, шарманщики, уличные гаеры и другая подобная публика. На самой Сенной и в ближайших пере-

¹ Григорович Д. В. Петербургские шарманщики // Петербург в русском очерке XIX века. Л., 1984. С. 108.

² Воскресный досуг. 1864. № 77. С. 127.

улках было огромное количество низкопробных кабаков, харчевен, трактиров, притонов и публичных домов.

Одним из самых известных подобных заведений был «Малинник», описанный в романе В. Крестовского «Петербургские трущобы»; он совмещал в себе функции кабака и публичного дома. Находился «Малинник» позади гауптвахты между Конным и Спасским переулками (ныне, соответственно, пер. Гривцова и ул. Петра Алексеева). На первом этаже «Малинника» располагался кабак, два лабаза и мелочная лавка; на втором этаже находилось несколько трактиров; третий этаж и три остальных флигеля занимали многочисленные притоны. Проститутки, жившие здесь, считались еще вполне преуспевающими, потому что на Сенной было много и таких, которые не могли заработать своим промыслом не только на ночлег, но даже и на пищу. Для разнообразных представителей преступного Петербурга «Малинник», по словам Крестовского, был чем-то вроде клуба; изготавливались здесь и подложные документы.

Кроме многочисленных публичных домов, кабаков и воровских притонов, располагавшихся чуть ли не в каждом доме, в районе Сенной площади был еще огромный квартал, представлявший собой один сплошной притон. Это знаменитая «Вяземская лавра», которая оказывала огромное влияние на характер Сенной площади, – огромная ночлежка, где за ничтожную плату могли одновременно находиться до двадцати тысяч человек. В жилых флигелях «Лавры», в квартирах, состоящих из одной комнаты, для хозяев был отгорожен небольшой уголок, остальное – нары и койки. Хозяева таких квартир, в которых проживало одновременно до пятидесяти человек, сколачивали себе огромные капиталы, но основой их прибыли была не копеечная плата с жильцов, а колоссальная торговля водкой. Для сбыта этого товара Сенная площадь была идеальным местом. Жители «Вяземской лавры» – «Вяземские кадеты» – это нищие, мнимые сборщики на постройку храмов, барышники-перекупщики (так называемые маклаки), тряпичники, для которых собиранье тряпья было лишь предлогом, а основным источником дохода были воровство и наводка. Мазурики, вору самого низшего пошиба, обитали в «Вяземской лавре» и продавали краденое барышникам-перекупщикам часто также в районе Сенной.

Такая огромная колония разномастных преступников оказывала величайшее влияние на климат Сенной площади, на всех людей, с ней связанных. Здесь сложилось удивительное сообщество, существовавшее по своим собственным законам, далеким от законов благополучной части общества.

Но это не вся правда о «сенновских обитателях». Вместе с тем они были сильно страдающими людьми, что во многом и делало их героями произведений русской литературы второй половины XIX века. Они страдали не только по своей вине, но и из-за несправедливого общественного устройства, из-за того ледяного равнодушия, которым встречал их Петербург. Мыслящие люди России того времени в грязи и мерзости, сосредоточенной на Сенной площади, видели образ страдающей России со всеми ее пороками, ответственность и вину за которые они начали чувствовать.

В русском сознании основной профиль площади – торговля – понятие, тесно связанное с обманом: торговца всегда подозревают в бессовестности и слишком легком добывании денег. Торговец, по сложившимся в русской культуре понятиям, не работник, что еще с большим основанием можно сказать о других «сенновских обитателях». У неработающего и неукорененного в какой-либо культуре человека много времени для мечтаний о лучшей жизни, о поисках социальной справедливости.

Достоевский, предчувствовавший катастрофу, надвигающуюся на Россию, видел в людях Сенной площади тех, кто эти страшные испытания России принесет. Роль «сенновских обитателей», их удельный вес в жизни России становился с каждым годом все больше и больше, и Достоевский в романе «Преступление и наказание» расширяет пространство Сенной площади до такой степени, что оно как бы вытесняет остальной город. Петербург становится равен Сенной площади и ее окрестностям, границы этих мест перестают ощущаться, за их пределы невозможно вырваться.

Именно такой Петербург наталкивает Раскольникова на идею, приведшую его к убийству старухи-процентщицы. Как только герой романа вырывается за границы Сенной площади, попадает на Васильевский остров к своему приятелю Разумихину, мысль о возможном убийстве сразу отпускает его, он чувствует ужас и отвращение к убийству так же, как его чувствует большинство людей. Но это отрезвление сразу заканчивается, стоит Раскольникову снова попасть в район Сенной площади, которая притягивает, действуя как ловушка. Раскольников попадает на площадь безо всякой нужды, вопреки усталости, не отдавая себе отчет, куда и зачем идет. Характер Сенной площади ярко проявляется в том, что именно здесь Раскольников узнает, что Лизаветы, единственной сожительницы Алены Ивановны, не будет дома; именно здесь он решает на убийство. Эти нужные сведения, которые, если бы не случай, ему было бы трудно, практически, невозможно получить, герой романа узнает на рыночной площади, куда приходят люди, нацеленные на решение конкретных бытовых задач. Раскольников, фактически, один из таких людей, он тоже решает конкретную задачу. То, что в детально разработанный план вторгается жизнь, кажется Раскольникову голосом судьбы, подтверждающей правоту его намерений.

Так на Сенной площади самые вымороченные, самые безумные русские идеи наполняются конкретным содержанием. Здесь всегда найдутся те, кто их воспримет и станет приводить в жизнь. Раскольников не только генератор идеи, но и ее исполнитель, и в этом смысле он тоже «сенновский обитатель». Он, как и многие «сенновцы», приехал в Петербург с большими надеждами, которым не суждено было осуществиться. Раскольников одинок, как большинство сюда приезжавших. Город не принял его, как и многих людей с Сенной площади, которые потеряли связь со своими родными местами, но и петербуржцами не стали.

У этого людского сообщества есть все качества толпы, качества, выработанные пограничным характером Сенной площади, – места соприкосновения Петербурга и остальной России. Это соприкосновение сделало Сенную площадь самым народным местом в Петербурге. Народность Сенной проявилась даже в такой крайней, но специфически народной низовой форме общественной жизни, как бунт.

На Сенной площади было несколько бунтов, но самый знаменитый – холерный бунт 1831 года, одно из крупнейших стихийных народных выступлений в столице. Как известно, холера особенно свирепствовала в местах наибольшего скопления людей, а значит, и на Сенной площади. В жаркий летний день толпа, взбудораженная слухами о том, что эпидемия холеры специально распространяется врачами и фельдшерами, двинулась с площади к центральной холерной больнице на углу Таирова переулка (ныне пер. Бринько), в доме Таирова. Разъяренные люди ворвались в больницу, разгромили помещение и убили нескольких врачей. Бунт удалось усмирить только благодаря личному вмешательству императора Николая I, который, согласно мифологизированной биографии, рискуя жизнью, обратился к обезумевшей толпе, пробудив в людях чувство смирения и раскаяния. И сам бунт, и

сложившаяся версия его усмирения характеризуют Сенную площадь не просто как место народное, но и как место, сохранившее архаические для XIX века черты. Этот драматический сюжет укоренен в народном сознании, истоки его уходят в далекое прошлое, подобная сцена легко представима в эпоху средневековья.

Казалось бы, это качество Сенной площади дает возможность Раскольникову действовать по традиционной схеме в традиционной ситуации. Форма признания в убийстве, подсказанная ему Соней Мармеладовой: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: “Я убил!” Тогда Бог опять тебе жизни пошлет»³, – эта форма традиционная, основанная на народных представлениях, очень подходящая для старых средневековых городов с одной большой рыночной площадью, где происходили и суд, и наказания, и другие важнейшие дела городской жизни. Но для Петербурга, светливого и отчужденного, живущего по совсем другим законам, эта форма подходит мало. Люди на площади не понимают того, что делает Раскольников, зачем он целует землю. «Слова “я убил”, может быть, готовившиеся слететь у него с языка, замерли в нем»⁴. И все-таки, только на Сенной площади была возможна такая сцена. То, что Раскольников идет каяться на Сенную, подтверждает ее неутраченную связь с Россией, а то, что ему не удастся завершить свое покаяние, показывает, что это вполне петербургское место. Сильная связь Сенной площади с Россией позволяет Раскольникову увидеть свое преступление вне идеологических схем, во многом порождаемых Петербургом.

Двойственность Сенной площади и человеческого типа, сложившегося в ее пространстве, проявляется не только в смешанном русско-петербургском характере этих мест, но и в том, какие взаимоотношения складываются здесь между людьми. Человек, пришедший на Сенную площадь, чувствует себя одним из многих и всегда найдет себе собеседника. Так и Раскольникова влечет сюда возможность оказаться среди людей. С другой стороны, на Сенной площади можно не только избежать одиночества, но и найти его. Среди такого множества людей, безразличных друг к другу, никто не обратит на человека внимания, не выделит его из толпы. Человеческие связи здесь очень поверхностные, человек всегда не один, но часто в одиночестве. Именно безразличие друг к другу, привычка к постоянному страданию, столь обычному на Сенной площади, и полная неприкаянность – основные черты того типа, что образовался на Сенной.

В семнадцатом году XX века эти люди выйдут на улицы Петрограда, и в городе уже не будет сил, способных им противостоять. В «Египетской марке» О. Э. Мандельштама Парнок, главный герой, видит, как толпа, зародившаяся «где-то между Сенной и Мучным переулком»⁵, ведет по Гороховой улице человека, попавшегося на краже часов, к живорыбным садкам на Фонтанке для того, чтобы утопить. Парнок думает, глядя на толпу: «Все эти люди продавцы щеток»⁶. На Сенной площади в эти годы было много слепых торговцев, которые продавали щетки собственного изготовления. На самом деле толпа, конечно, состоит из людей зрячих, но как бы ослепших от массовой ярости. Эта толпа олицетворяет революцию, ее животную жестокость, грязь и презрение к человеческой жизни – все то,

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1973. Т. 6. С. 322.

⁴ Там же. С. 405 – 406.

⁵ Мандельштам О. Э. Египетская марка. М., 1991. С. 29.

⁶ Там же.

что годами вызревало на Сенной площади и было свойственно людям, существовавшим в ее пространстве.

Можно сказать, что на Сенной площади образовался яркий и, безусловно, петербургский тип, сыгравший очень важную, роковую роль в жизни России.